DOI 10.15826/izv2.2021.23.4.080
УДК 811.111:34 + 821.111-3:34 + 81'42

Е. В. Дзюба
Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

И. Ю. Рябова
Уральский государственный юридический университет
Екатеринбург, Россия

ТРАНСФЕР ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В НАРРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Объектом исследования является гибридный дискурс как результат интеграции языковых маркеров и концептов юридического дискурса и художественного нарратива, а его предметом — приемы, механизмы и средства трансфера знания, участвующие в формировании такого дискурса. Под трансфером юридического знания в художественный текст понимается процесс переноса знания, маркированного правовой сферой, в нарративное пространство художественного произведения с целью моделирования образа женщины-судьи, выявления профессионально значимых характеристик личности, ее внутренних противоречий, интегрированных в персонифицированную концепцию морали. Цель работы — изучение вербального инструментария трансфера знания, который осуществляется посредством языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста в процессе создания гетерогенного текста, ставшего результатом функционирования гибридного дискурса. Исследование ведется с учетом собственно лингвистического, психолингвистического, культурологического, логико-философского и когнитивно-дискурсивного подходов к изучению трансфера знания и с привлечением структурно-семантического метода, методов контекстуального и концептуального анализа, а также частных методов профилирования, компонентного, этимологического анализа и др. Материалом выступает англоязычный роман британского писателя И. Макьюэна «Закон о детях». Тематическим ядром произведения являются морально-этические вопросы семейного права, этико-религиозные разногласия между представителями разных конфессий и персонифицированные морально-психологические искания судьи Фионы Мей, касающиеся вопросов права, личности и общества, воспитания детей, жизни и смерти. Реконструируется личностная модель поведения, отражающая профессиональные знания и умения, характеристики речи, нравственные предпосылки поведения, взаимоотношения с окружающими, которые становятся концептуальной составляющей деятельности судьи. Данная модель рассматривается с позиции теории трансфера юридического знания в пространство художественного текста. Выделяются механизмы трансфера знания (инференция, фокусирование, метафоризация, адъективация), основные приемы трансфера — текстовые (реверсивный монтаж, синтаксическая доминанта, перспективизация, антитеза, эмфаза) и лексико-семантические (трансформация значений слов, семантические импликации,

© Дзюба Е. В., Рябова И. Ю., 2021
CC BY-NC

актуализация этимологии слова, профилирование отдельных компонентов значения), а также средства трансфера — языковые реалии (расширенный контекст, предложение, слово, сема). Выделенные приемы и механизмы трансфера находят выражение на разных языковых уровнях: семантическом, синтаксическом и лингвопрагматическом. Включение языковых маркеров и концептов юридического дискурса в пространство художественного текста создает единый гетерогенный контекст, в котором репрезентируются значимые смысловые и аксиологические характеристики персонифицированной модели морали судьи Англии. Делается вывод о взаимовлиянии двух маркированных дискурсов.

Ключевые слова: трансфер знания; гибридный дискурс; языковые маркеры; юридический дискурс; художественный нарратив; образ судьи; И. Макьюэн

Цитирование: *Дзюба Е. В., Рябова И. Ю.* Трансфер юридического знания в нарративное пространство художественного произведения // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4. С. 297–317. https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.080

Поступила в редакцию: 05.02.2021
Принята к печати: 12.10.2021

Elena V. Dziuba
Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Irina Yu. Ryabova
Ural State Law University
Yekaterinburg, Russia

TRANSFER OF LEGAL KNOWLEDGE TO THE NARRATIVE SPACE OF A WORK OF FICTION

The object of this study is hybrid discourse as a result of the integration of language markers and concepts of legal discourse and literary narrative. The subject of the study is the techniques, mechanisms, and means of transfer involved in the formation of hybrid discourse. The transfer of legal knowledge into a literary text is the process of transmitting knowledge marked by the legal sphere into the narrative space of a literary text in order to model the image of a female judge, identify professionally significant personality characteristics and internal contradictions integrated into a personalised concept of morality. The purpose of this work is to study verbal tools of the knowledge transfer, implemented by the language markers of legal discourse and units of a literary text in the process of formation of a heterogeneous text that is the result of functioning of hybrid discourse. The study is conducted with regard to linguistic, psycholinguistic, cultural, logical-philosophical, and cognitive-discursive approaches to the analysis of knowledge transfer and involving the structural-semantic method, methods of contextual and conceptual analysis, as well as more specific methods of profiling, component analysis, etymological analysis, etc. The authors

refer to *The Children Act*, a novel by the British writer Ian McEwan. The thematic core of this work is the moral issues of family law and religious differences between representatives of different confessions and Judge Fiona May's personified moral and psychological search, dealing with issues of law, personality and society, parenting, life and death. The personal model of behaviour is reconstructed in this study and it reflects professional knowledge and skills, speech characteristics, ethical and moral prerequisites of behaviour, and relationships with others that become a conceptual component of the judge's activity. This model is regarded from the perspective of the theory of transfer of legal knowledge in the space of a literary text. The authors identify the knowledge transfer mechanisms (inference, (de)focusing, metaphorisation, adjectivisation), the main transfer techniques — textual (reverse editing, syntactic dominant, perspectivisation, antithesis, emphasis) and lexical-semantic (transformation of word meanings, semantic implications, actualisation of word etymology, profiling of individual components of meaning), and means of transfer — linguistic realities (extended context, sentence, word, seme). The selected techniques and mechanisms of transfer manifest themselves at different levels of language: semantic, syntactic, and linguo-pragmatic. The inclusion of linguistic markers and concepts of legal discourse in the space of a literary text creates a single heterogeneous context in which the significant semantic and axiological characteristics of the personified model of the morality of the judge of England are represented. The authors make a conclusion about the mutual influence of the two marked discourses.

K e y w o r d s: knowledge transfer; hybrid discourse; language markers; legal discourse; literary narrative; image of the judge; I. McEwan

F o r c i t a t i o n: Dziuba, E. V., & Ryabova, I. Yu. (2021). Transfer iuridicheskogo znaniia v narrativnoe prostranstvo khudozhestvennogo proizvedeniia [Transfer of Legal Knowledge to the Narrative Space of a Work of Fiction]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki, 23*(4), 297–317. https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.4.080

Submitted: 05.02.2021
Accepted: 12.10.2021

Подходы к изучению трансфера юридического знания в пространство художественного текста

Актуальность изучения гибридного дискурса связана с когнитивными технологиями трансляции знания от «известного к неизвестному» как стратегией обмена информацией между различными «профессиональными сообществами» [Демьянков, с. 7–8; Фещенко, с. 43]. По мысли О. А. Солоповой и К. А. Наумовой, «взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает *качественно новый формат* дискурса, не сводимый к сумме его составляющих» [Солопова, Наумова, с. 16]. В исследовании на материале романа британского писателя И. Макьюэна «Закон о детях» рассматривается х у д о ж е с т в е н н о - п р а в о в о й г и б р и д н ы й д и с к у р с, под которым понимается когнитивно-дискурсивное и речевое образование, построенное

на интеграции концептов и языковых маркеров юридической сферы и художественного нарратива с его особой архитектоникой (пространственно-временной, образной, композиционной и языковой организацией) с целью моделирования общественно и личностно значимой системы ценностей.

Гибридный дискурс такого рода может быть рассмотрен с разных позиций. В рамках конвенционального понимания теории трансфера, разработанной М. Эспань, ключевым является культурологический подход, выраженный в «желании говорить сразу о разных национальных пространствах» [Эспань, с. 35]. Как отмечает исследователь, «возможность сравнения определяется существованием некоего общего фундамента, забытого, часто сознательно вытесненного, терпеливая реконструкция которого также может стать центральным предметом культурного трансфера» [Там же, с. 39]. Помимо метода сравнения, автор называет и другие методы теории культурного трансфера: метод соположения и выявления параллелей. В этом смысле гибридный художественно-правовой дискурс рассматривается как феномен, в котором сосуществуют специфические особенности языка юриспруденции, маркеры профессиональной юридической сферы общения (в том числе этикетные) и национально окрашенные характеристики общества и/или отдельного субъекта национальной правовой системы. Таким образом, становится возможным выявить культурно-национальную идентичность личности законного представителя судебной власти.

Рассматривая трансфер знания как поведенческую модель индивидуального воздействия на респондента, О. К. Ирисханова и М. И. Киосе описывают личностный вклад субъекта в конструирование понятий и результат трансформации идей в процессе межличностного трансфера знаний. Когнитивные технологии трансфера знания — «комплекс установок, способов и средств, применяемых для трансфера знаний между дисциплинами, при этом в качестве средства такого трансфера выступают специальные номинативные единицы» [Ирисханова, Киосе, с. 27]. Психолингвистический подход к изучению процесса трансфера знания позволяет исследовать корреляцию между речевыми сообщениями и личностными свойствами его участников, отображаемыми посредством языковых единиц в художественной канве произведения.

С последним связан и другой подход — логико-философский, нацеленный на изучение языковых и текстовых реалий с той позиции, что знание, репрезентированное в профессионально-этических исканиях героини изучаемого романа, рассуждениях о разумности судебных разбирательств, собственной роли в судебной системе, транслирует знание о сущности высших моральных ценностей англосаксонской правовой системы и важнейших общечеловеческих категорий этики: счастья, любви, справедливости, нравственности. Также представляется возможным взглянуть на поведенческую модель судьи как на форму существования особого социального института, функционирующего в реальных жизненных условиях (эти условия моделируются с помощью художественного текста).

В семантическом описании языкового маркера юридического дискурса, погруженного в пространство художественного текста, внимание сосредоточивается на новых, вторичных значениях языковых единиц, отражающих приращение «нового знания», на формировании иной коммуникативной ситуации и нового когнитивного контекста. Следуя за мыслью Е. С. Кубряковой о том, что дискурс — когнитивный процесс, своего рода «новая реальность языка», отметим, что когнитивно-дискурсивный подход предполагает получение нового знания посредством обращения к значимым характеристикам новой гетерогенной «информационной системы» с учетом различных факторов дискурсивной деятельности. По замечанию В. З. Демьянкова, основные изменения в ходе трансфера знания касаются «осведомленности человека: о предметах и о том, как об этих предметах принято говорить — т. е. о репрезентациях предметов в коммуникативном пространстве» [Демьянков, с. 7]. Результат трансфера юридического знания в художественный нарратив — создание нового когнитивного контекста, анализ которого в работе позволяет реконструировать персонифицированную модель морали посредством обращения к характеристикам речевого взаимодействия коммуникантов, социальному контексту рассматриваемого фрагмента, авторской интерпретации и другим факторам конситуации.

С когнитивно-дискурсивным подходом к трансферу знаний и в целом с концептуализацией мира средствами языка связан концептуальный подход. В случае внутрикультурного междискурсивного трансфера того или иного понятия «реципиент трансфера апроприирует термин из другой области» с той целью, чтобы «учредить новую систему» в данной области [Фещенко, с. 44]. Концептуализация в художественном пространстве — процесс познавательной деятельности человека, приводящий к образованию концептуальных структур на основе отдельных образов отображаемых реалий. Суть концептуализации в процессе трансфера юридического знания в канву художественного произведения заключается в обогащении художественно-правового дискурса новыми смыслами, импликациями и коннотациями. Одним из приемов трансфера знания в рамках концептуального подхода является метафорический оборот. Основанием для возможности «перемещения смысла» становится эстетический (поэтический), часто неоднозначный, ассоциативно-образный способ освоения действительности. По замечанию В. З. Демьянкова, «метафора — употребление выражения в “переносном” смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше или хуже» [Демьянков, с. 7]. Метафоризация, как отмечает В. Н. Телия, «...сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь “вплетается” в картину мира, выражаемую языком» [Телия, с. 186].

Другим примером непосредственной интеграции языкового маркера юридического дискурса и единицы художественного нарратива является адъективированный оборот речи. Под адъективацией языковых маркеров юридического дискурса мы понимаем употребление единичных прилагательных и атрибутивных

конструкций, трансформирующих значения языковых средств юридического дискурса в художественном нарративе.

Указанные подходы актуальны при изучении гибридного художественно-правового дискурса, в котором имеют место различные приемы и средства трансфера юридического знания в художественный нарратив. Междисциплинарный вектор изучения процесса трансфера знания позволяет по-новому взглянуть на возможность художественного текста «интерпретировать» знания юридической науки.

Постановка проблемы и методология исследования

Материалом выступает остросоциальный роман британского писателя И. Макьюэна «Закон о детях» [McEwan], в котором при создании событийно-сюжетного плана произведения использовались материалы реальной судебной практики. Тематическим ядром романа являются морально-этические вопросы семейного права, этико-религиозные разногласия между представителями разных конфессий и морально-психологические искания судьи Фионы Мей, касающиеся вопросов законодательства, взаимоотношений личности и общества, воспитания детей, жизни и смерти, первой любви и предательства.

С первых страниц романа Фиона Мей предстает как сильная, строгая, бескомпромиссная натура; каждый день ей приходится принимать серьезные решения, влиять на судьбы детей, при этом она глубоко осознает всю меру ответственности за свои решения: «*When a court determines any question with respect to... the upbringing of a child... the child's welfare shall be the court's paramount consideration*»[1] [Ibid., p. 1]; «*...courts should be slow to intervene in the interests of the child against the religious principles of the parents...*»[2] [Ibid., p. 17].

Однажды Фионе Мей поручают непростое дело — решить судьбу семнадцатилетнего юноши Адама Генри, который смертельно болен. Чтобы спасти ему жизнь, необходимо переливание крови, но данная процедура противоречит религиозным убеждениям Адама и его семьи. Конфликтогенным потенциалом обладают логико-философские терзания судьи, связанные с выбором между рациональным в данном случае решением (спасти жизнь несовершеннолетнего вопреки убеждениям его родителей, холодно соблюдая закон) и возможностью встать на сторону адвокатов подростка, не верящих в «магию» цифр, и позволить Адаму Генри принять самостоятельное решение, так как до достижения совершеннолетия остались считанные месяцы: «*...Religion again. It had its consolations. Since the boy was almost eighteen, the legal age of autonomy, his wishes would be a central concern. Perhaps it was perverse to discover in this sudden interruption a promise of freedom. On the other side of the city a teenager confronted death for his*

[1] «При рассмотрении любого вопроса, касающегося... воспитания ребенка... первостепенной заботой суда должно быть благополучие ребенка» [Макьюэн, с. 7].

[2] «...Суды должны с осторожностью отстаивать интересы ребенка вопреки религиозным принципам родителей...» [Там же, с. 27].

own or his parents' beliefs. It was not her business or mission to save him, but to decide what was reasonable and lawful. She would have liked to see the boy for herself... immerse herself into intricacies, fashion a judgment formed by her own observations... Visiting the hospital was a sentimental whim...»[3] [McEwan, p. 35–36]. Совмещение языковых маркеров юридического дискурса (*legal*, *autonomy*, *freedom*, *lawful*, *business*, *judgment*, *reasonable*) [АРРАЮС, с. 52, 74; BLD, p. 145, 688, 912, 902, 858] наряду с неязыковыми дискурсивными характеристиками (*социальный статус*, *гендерный признак*, *возраст участников* и др.) — с одной стороны, и единиц художественного нарратива (*discover*, *intricacy*, *immerse (herself)*, *fashion (a judgment)*, *a sentimental whim*) — с другой, создает единый гетерогенный контекст, в котором репрезентируются значимые аксиологические характеристики судьи Англии.

Объектом исследования является гибридный дискурс как результат интеграции языковых маркеров и концептов юридического дискурса и единиц художественного нарратива. Предмет исследования — приемы, механизмы и средства трансфера, участвующие в формировании гибридного дискурса. Цель — изучение языкового инструментария, реализующего трансфер юридического знания в пространство художественного текста с целью моделирования образа судьи в едином гетерогенном контексте. Анализ гибридного дискурса осуществляется с учетом лингвистического, психолингвистического, культурологического, логико-философского и когнитивно-дискурсивного подходов и с применением следующих методов: структурно-семантического, дефиниционного, контекстуального, концептуального, методов компонентного и этимологического анализа, а также частных когнитивных методов — профилирования, перспективизации и др.

Концептуальной составляющей деятельности судей является личностная модель поведения, проявляющаяся в персонифицированной концепции морали и включающая профессиональные знания и умения судьи как официального представителя закона, характеристики речи, нравственные предпосылки поведения, взаимоотношения с окружающими. По замечаниям А. И. Джаримовой, «судебно-властные отношения конкретизируются в общении — факторе детерминации поведения судьи и участников процесса; отношения и общение являются особыми формами существования судебной власти, в которых рельефно отражаются ее антропологические и социальные ценности» [Джаримова, с. 8]. Интеграция единиц художественного произведения и языковых и неязыковых маркеров юридического дискурса позволяет выявить не только антропологические и социальные ценности судебной власти, но и обнаружить аксиологические характеристики образа судьи Фионы Мей, подвергшиеся

[3] «...Опять религия. У нее свои утешения. Мальчику почти восемнадцать — возраст, когда по закону наступает автономия личности, — поэтому во главе угла будут стоять его желания. Возможно, это извращение — увидеть в нежданной помехе перспективу свободы. На другом краю города подростка ждет смерть из-за того, во что верит он сам и его родители. Ее дело и обязанность не спасать его, а решить, что предписывает закон и разум. Ей захотелось увидеть мальчика своими глазами... поехать, разобраться в хитросплетениях, сформировать решение исходя из увиденного... Визит в больницу — это сентиментальная прихоть...» [Макьюэн, с. 49–50].

трансформации в художественном тексте. Судебную власть не дóлжно заставлять действовать справедливо и ответственно; «эти общечеловеческие принципы должны стать внутренней позицией личности судьи как носителя власти, что связано с его нравственной культурой» [Джаримова, с. 23]. Многолетний опыт работы судьи Мей в отделении Высокого суда по семейным делам позволяет ей прийти к умозаключению об имманентности добра и добродетели как важных ценностных характеристиках профессиональной судебной деятельности: «*...kindness, the Family Division daily proved, was the essential human ingredient...*»[4] [McEwan, p. 6]. Одной из главных целей, «к которым может быть направлено развитие ребенка», по мнению судьи Мей, — любовь: «*Welfare, happiness, well-being must embrace the philosophical concept of good life. She listed some relevant ingredients, goals towards which a child might grow. Economic and moral freedom, virtue, compassion and altruism, satisfying work through engagement with demanding tasks, a flourishing network of personal relationships, earning the esteem of others, pursuing larger meanings to one's existence, and having at the centre of one's life one or a small number of significant relations defined above all by love*»[5] [Ibid., p. 15].

Гибридизация дискурсов как предпосылка трансфера знания прослеживается на разных уровнях восприятия смысла: семантическом (на основе задействованных в контексте лексических единиц), прагматическом (при исследовании целевых установок автора текста), когнитивном (как бленд двух ментальных пространств). Так, значимость приобретает сильная позиция слова *любовь* в структурно-синтаксической организации предложения и ядерные семы слов *centre* и *above all*, эксплицирующие идею верховенства и важности любви в жизни человека. Внимание героини фокусируется на этом чувстве с нескольких позиций: с позиции судьи, ответственной за благополучие ребенка, женщины, переживающей временную размолвку с супругом, человека с определенным жизненным опытом.

Идея интеграции двух маркированных дискурсов требует многоаспектного изучения их составляющих — семантики, синтаксиса, прагматики — с целью выявления трансформаций концептов юридического дискурса, отображенных в романе. Художественная картина мира, являясь культурой-донором, акцептирует юридическое знание в той мере, в какой интерпретационный потенциал художественного нарратива и междисциплинарность подходов позволяют сконструировать модель образа судьи, репрезентирующую персонифицированную концепцию морали.

---

[4] «...а доброта, как подтверждалось ежедневно в Отделении по делам семьи, была существенным человеческим качеством...» [Макьюэн, с. 15].

[5] «Благосостояние, счастье, благополучие — все это должна охватывать философская концепция хорошей жизни. Она перечислила некоторые важные составляющие, цели, к которым может быть направлено развитие ребенка. Экономическая и нравственная свобода, добродетель, способность к состраданию и альтруизм, решение серьезных задач, приносящее удовлетворение, живой круг общения, уважение окружающих, стремление придать жизни высокий смысл и сохранить самые важные связи с небольшим количеством людей, которые определяются прежде всего любовью» [Там же, с. 25].

Механизмы и средства трансфера юридического знания в пространство художественного текста

Механизм трансфера знания — инструмент, с помощью которого происходит обогащение художественного текста смыслами профессионально-правовой этики. К таким инструментам мы относим инференцию, фокусирование, метафоризацию и адъективацию. Средством трансфера знания является языковая реалия (расширенный контекст, предложение, слово, сема), с помощью которой осуществляется передача данных внутри гибридного дискурса. Среди приемов трансфера знания на лексико-семантическом уровне нами выявлены актуализация этимологического компонента слова, трансформации, импликации, профилированные семы.

Рассмотрим подробнее каждый из выявленных инструментов осуществления трансфера знания. Данное исследование мы проводим с учетом следующих параметров: 1) лексико-семантическая структура средств трансфера; 2) структурно-синтаксическая организация контекста-донора; 3) мотивационно-прагматический характер осуществления трансфера. Суть механизма инференции — актуализация важных концептуальных характеристик судьи как представителя закона на базе выводного знания из области лингвокультурологии, психолингвистики, логики, философии. Формирование смысла текста как результат трансфера знания на концептуальном уровне осуществляется за счет механизма фокусирования. По определению О. К. Ирисхановой, фокусирование — «широкий класс лингвокогнитивных процессов, в ходе которых происходит изменение фокуса внимания говорящих, приводящее к повышению степени выделенности определенных элементов конструируемой ситуации» [Ирисханова, с. 65, 71–83]. В качестве приема трансфера знания в рамках лексико-семантической структуры слова часто выступает его этимологический компонент. При исследовании этимологической памяти слова и обращении к историческим словарям разных эпох можно заметить следующее: «...наличие нескольких дефиниций в разных словарях свидетельствует о том, что содержание того или иного концепта, эксплицированного в значениях языковых единиц, до конца неисчислимо. Каждое слово способно репрезентировать лишь часть концептуальных характеристик, значимых для коммуникации. Тем не менее, их включение в мыслительную деятельность способно привести к активизации других концептуальных характеристик — скрытых, вероятностных, ассоциативных...» [Болдырев, с. 54]. С этой точки зрения этимологическую память слова целесообразно назвать микросемиотическим контекстом, призванным раскрыть специфику семиозиса (означивания языковых единиц), и импликатом, представляющим новую концептуальную область при переносе «скрытого» знания в гибридный дискурс.

Для иллюстрации данного положения обратимся к примеру: «*Her own view was that with each passing year she inclined a little more to an* ***exactitude*** *some might have called* ***pedantry****, to the unassailable definition that might pass one day into*

frequent citation, like Hoffmann in Piglowska v. Piglowski, or Bingham or Ward or the indispensable Scarman, all of whom she had made use of here»[6] [McEwan, p. 13]. Фокусирование как механизм трансфера знания способствует выявлению коммуникативно значимой характеристики в моделировании образа судьи — «правильности принятых судебных решений». Семантика строгости в тексте выражена лексемой *exactitude*: 'аккуратность, пунктуальность' [EPDEL, p. 191]; (о судебном решении) 'исключительно правильный' [TCODCE, p. 282]; 'правдивость' [AMDEL, p. 174]; 'требовательность' [KCEDEL, p. 263]; 'требовать авторитетно (повелительно)' [WCDEL, p. 473]. Ретроспективный взгляд на значения слова *exactitude* позволяет обнаружить следующие контекстуально значимые семы: 'правдивость', 'правильность принятых судебных решений', 'пунктуальность', 'требовательность (обусловленная авторитетом власти)'. Семантический компонент 'правильность принятых судебных решений' актуализируется в следующем контексте: «*The colleagues Fiona valued most sought her out to shake her hand, or wrote the kind of letters worth saving in a special folder. Her* ***judgment*** *was elegant and* ***correct****, was the insiders' view*»[7] [McEwan, p. 28]. Актуализация этимологии слова, являясь лексико-семантическим приемом трансфера знания, находит дальнейшее выражение в текстовом приеме — технике реверсивного монтажа, фиксирующей повторяемость лексических единиц и выражений на уровне текста. Под техникой реверсивного монтажа мы понимаем прием выявления частотности лексических единиц в расширенном контексте, цель которого амбивалентна: стабилизация значения и порождение нового смысла.

Заметим, что правильность принятия судебных решений — сложная задача для Фионы Мей. После завершения разбирательства по поводу хирургического вмешательства, жизненно необходимого для разделения сиамских близнецов, героиню терзают внутренние переживания: «*But she was unhappy, couldn't leave the case alone, was awake at nights for long hours, turning over the details, rephrasing certain passages of her judgment, taking another tack... For a while, the case had left her numb, caring less feeling less, going about her business, telling no one*»[8] [Ibid., p. 28–30]. Результатом глубоких внутренних переживаний, обусловленных профессиональной деятельностью судьи, становятся серьезные трансформации характера Фионы Мей, которые она пытается скрыть от других.

---

[6] «По ее собственному мнению, она с каждым годом все больше склонялась к строгости, которую могли бы назвать педантизмом, к неопровержимому толкованию, которое может когда-то стать цитируемым, как Хоффман в "Пигловска против Пигловски", или Бингем, или Уорд, или непременный Скарман — здесь она всех их использовала» [Макьюэн, с. 23].

[7] «Коллеги, наиболее ценимые Фионой, искали ее, чтобы пожать ей руку, или присылали такие письма, какие не грех хранить в отдельной папке. По мнению посвященных, ее решение было отточенным и корректным» [Там же, с. 41].

[8] «Но она была угнетена, не могла отделаться от мыслей, часами лежала по ночам без сна, прокручивала в голове детали, меняла формулировки в некоторых местах своего решения, пробовала другой подход» [Там же].

Ее внутренний мир с каждым последующим судебным делом становится более уязвимым. Все, что касается жизни, смерти, благополучия ребенка, остается «рубцом» в ее памяти: «*Hardly plausible, to have told him that at this stage of a legal career, this one case among so many others, its sadness, its visceral details and loud public interest could affect her so intimately... The feeling has passed, but it left scar tissue in the memory... Not having a body, floating free of physical constraint, would have suited her best*»[9] [McEwan, p. 31].

Мнение судьи Фионы Мей в определенной степени противопоставлено мнению окружающих: *строгость* vs *педантизм*. В этимологических и толковых словарях выявлены следующие значения слова *pedant*: 'тот, кто демонстрирует свою ученость' [EPDEL, p. 429]; 'тот, кто выставляет напоказ образование или технические знания или настаивает на строгом соблюдении формальных правил'; 'тот, кто одержим теорией' [TCODCE, p. 604]; 'претендент на лучшее знание в чем-то' [WCDEL, p. 962]. Согласно предположению судьи Мей, ее считают типичным доктринером, человеком консервативных взглядов, слепо и упрямо следующим установленным принципам, а на самом деле каждое ее решение выверено и тщательно взвешено.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, применяемой в настоящем исследовании к теории трансфера знания, отметим, что сема '*learning / book learning*', отсылающая к смысловому полю *образование* (в том числе профессиональная квалификация), профилируется в художественном контексте посредством интерференции знания о важных персоналиях и организациях в юридической сфере, судебная практика которых весьма авторитетна среди юристов: «*However, I am not ultimately influenced by whether he has or doesn't have a full comprehension of his situation.* ***I am guided*** *instead* ***by the decision of Mr Justice Ward*** *as he then was...*»[10] [McEwan, p. 121]. Апогеем в достижении профессионализма (*a pretender to superior knowledge*) становится «неопровержимое толкование» (*unassailable definition*), к которому героиня с каждым годом все больше стремилась и которое «может когда-то стать цитируемым» [Макьюэн, с. 23]. Бесценный опыт своих коллег, достигших профессиональных высот, судья Мей использует в своих судебных заключениях, цитируя Хоффмана, Уорда, Бингема. Желание добиться подобной авторитетности судебных решений заставляет ее выполнять свои обязанности с «серьезностью физика-ядерщика».

Механизм фокусирования на синтаксическом и лингвопрагматическом уровне находит отражение в приеме перспективизации, при котором чередование точек зрения на героиню и на ее профессиональную деятельность в динамике общественного взаимодействия дает возможность выявить значимые

[9] «Трудно поверить, что при ее юридическом опыте этот случай, один из множества, его тяжесть, анатомические подробности, шум вокруг него так глубоко ее проймут» [Макьюэн, с. 44].

[10] «Однако главное для меня не то, вполне или не вполне понимает он свою ситуацию. Я руководствуюсь решением судьи Уорда — в бытность его на этом посту...» [Там же, с. 147].

аксиологические характеристики образа женщины судьи. Выражение мнения окружающих — Лорда Главного Судьи, коллег — становится способом дать высокую оценку как профессионализму судьи Мей, так и ее личностным качествам, способствующим продуктивности и эффективности принятия решений. Обратимся к примеру: «***Among fellow judges**, Fiona Maye was praised, even in her absence, for crisp prose, almost ironic, almost warm, and for the compact terms in which she laid out a dispute. **The Lord Chief Justice** himself was heard to observe of her in a murmured aside of lunch, "Godly distance, devilish understanding, and still beautiful"*»[11] [McEwan, p. 13]. Авторитет лорда главного судьи позволяет ему выразить восхищение и одобрение таких качеств героини, как «прекрасное дистанцирование», «дьявольская проницательность», которые являются профессиональными умениями и навыками. Культурная константа, репрезентированная словом *distance*, маркирует «дистанцированную» английскую культуру. Умение дистанцироваться — качество, которое судья Мей ценит и в своих коллегах: «*Automatically, she picked up the receiver. She was on duty, and sure enough, it was her clerk, Nigel Pauling. As ever, the voice was hesitant, on the edge of a stutter. But he was always efficient, **pleasingly distant***»[12] [Ibid., p. 33]. Культурологический подход в теории трансфера знания «высвечивает» особенности национального менталитета, при этом важную роль играет прием перспективизации, который способствует созданию многомерного облика героини.

Наличие в ситуационном контексте двух контрастных речевых манер (*crisp prose and compact terms* vs *in a murmured aside of lunch*) позволяет автору вывести на первый план особенности речевого поведения судьи Мей, которые существенно отличаются от речевой манеры иных участников судебного процесса. Объектами перемещения фокуса внимания в теории трансфера знания являются такие компоненты «сцены», как фигура и фон. Содержание, активируемое знаком, напоминает сцену, на которую мы смотрим. Как отмечает Р. В. Лэнекер, «Представьте себя в зале театра наблюдающим за захватывающей пьесой. Все ваше внимание направлено на сцену и сосредоточено на актере, который выступает. Термин "фон" используется для говорящего и слушателя, речевого события, в котором они участвуют, и их непосредственных обстоятельств (например, время и место выступления). В качестве "платформы" для восприятия содержания сказанного фон находит выражение в значении каждого высказывания» [Langacker, p. 77–78]. По замечанию Л. Талми, фоном называют ту часть сцены, которая воспринимается как непрерывный диффузный континуум за фигурой, где фигура — компонент сцены, который

[11] «Коллеги хвалили Фиону Мей — даже за глаза — за чеканную прозу, почти ироническую, почти душевную, и за умение сжато сформулировать суть спора. Слышали, как сам лорд главный судья за общим ужином отозвался о ней вполголоса: "Божественная дистанция, дьявольская проницательность и при этом красиво"» [Макьюэн, с. 23].

[12] «Автоматически она взяла трубку. Она была дежурным судьей, и в самом деле — звонил ее секретарь Найджел Полинг. Как всегда, неуверенный до заикания. Но дельный и, что приятно, всегда держит дистанцию» [Там же, с. 46].

выдвигается на первый план, имеет большее значение и требует большего внимания: «Фон действует как окружающее пространство... он отходит на второй план, как только вниманием завладевает фигура. Фигура представляет большее значение, она более заметна» [Talmy, p. 315–316]. Таким образом, традиционный прием антитезы, призванный акцентировать значимость отчетливой и логичной речи главной героини (фигура контекста) на фоне нечеткого бормотания ее коллеги, становится приемом трансфера, в основе которого лежит механизм фокусирования.

С приемом антитезы неразрывно связан прием эмфазы, который трактуется как придание слову особой выразительности посредством нарочитого выделения. Речь героини — зеркало ее твердого характера. Согласно контексту, цель сжатости ее «прозы» — «кратко сформулировать суть спора», при этом слово *dispute* поставлено в конец предложения, в сильную позицию, с точки зрения тема-рематического членения высказывания: «*Among fellow judges, Fiona Maye was praised, even in her absence, for crisp prose, almost ironic, almost warm, and for the compact terms in which* ***she laid out a dispute***»[13] [McEwan, p. 13]. Слово *dispute* является в данном высказывании синтаксической доминантой. Этот акцент не случаен, в слове содержится важный этимологический компонент. Посредством лексемы *dispute* транслируется знание о жестокой борьбе бывших супругов за детей, имущество, право выбирать ребенку будущее. В такой ситуации судья должна установить социальный порядок и учесть права детей, давая им возможность самим делать выбор: «*...Once easy companions became artful combatants crouching behind counsel, oblivious to the costs. Once neglected domestic items were bitterly fought for, once easy trust was replaced by carefully worded "arrangements"... And the children? Counters in a game, bargaining chips for use by mothers, objects of financial or emotional neglect by fathers; the pretext for real or fantasised or cynically invented charges of abuse, usually by mothers, sometimes by fathers... Above all, the duty of the court was to enable the children to come to adulthood and* ***make their own decisions*** *about the sort of life they wanted to lead*»[14] [Ibid., p. 38, 132]. Обратимся к этимологии слова *dispute*: 'спор, словесное состязание, препирательство' [EPDEL, p. 156], где дефиниция *altercation* репрезентирована как *a noisy argument or disagreement (especially in public)*. Прием синтаксической доминанты в тесной связи с этимологией слова смещает акценты с персоны судьи на поведение истцов и ответчиков в суде. Фокусирование как механизм трансфера акцентирует внимание на профессиональном умении судьи гасить спор и доводить дело до победного конца.

---

[13] «Коллеги хвалили Фиону Мей — даже за глаза — за чеканную прозу, почти ироническую, почти душевную, и за умение сжато сформулировать суть спора» [Макьюэн, с. 23].

[14] «...Нежные партнеры становились искусными комбатантами и выставляли вперед адвокатов, невзирая на расходы. За лежащий втуне домашний скарб велись ожесточенные сражения, на место спокойного доверия приходили тщательно сформулированные "соглашения"... Но, самое главное, суд должен дать возможность детям по достижении ими совершеннолетия самим выбрать себе жизнь» [Там же, с. 52].

Не вызывает сомнения тот факт, что мотивом для трансфера знания, по замечаниям М. Эспань, является «конъюнктура пространства (потребности), в котором происходит импорт-экспорт определенного знания, усвоение чужого, при этом неосознанно определяется, что может остаться латентно, а что должно быть реактивировано, чтобы послужить “злобе дня”» [Эспань, с. 64]. С помощью вышеперечисленных приемов трансфера знания (посредством импликаций и трансформаций) реализуется замысел художественного текста — репрезентация знания о профессиональной этике судьи, ее индивидуальной концепции морали. Реверсивность монтажа стабилизирует значение правильности принятых судебных решений. Приемы перспективизации, антитезы и эмфазы подчеркивают характеристики речи героини (сжатость и отчетливость), маркирующие проницательность ума и манеру общения (дистанцированность). Этимологический компонент слова *dispute* отсылает к «внутренней форме» слова, репрезентирующей профессиональное умение судьи Мей работать с циничными и искусными комбатантами. Таким образом, в романе показана взаимосвязь успешной судебной деятельности героини с особенностями национального менталитета и личностными достижениями.

Не менее важными механизмами трансфера юридического знания в художественный нарратив являются метафоризация и адъективация. С их помощью несвойственные конвенциональному юридическому знанию характеристики помещаются в область художественного дискурса, осуществляются трансформации лексических значений языковых маркеров юридического дискурса, участвующих в процессе гибридизации.

Ключевой особенностью процесса метафоризации в романе И. Макьюэна «Закон о детях» является ирония, которая необходима «как ролевая игра для правильного понимания»: «...словесная ирония — это действительно пример ролевой игры, которая должна быть признана таковой для правильного понимания» [Colston, Gibbs, p. 5]. По мнению исследователей Р. Гиббса и Г. Колстона, «...говорящий имеет в виду “получателей” иронии... чтобы увидеть его или ее отношение к оратору, аудитории и комментарию...» [Ibid.]. Отмечая безусловные мотивационно-прагматические цели, мы разграничиваем иронию как прием речевого взаимодействия, раскрывающего черты социальной интеракции, и как авторский прием, являющийся необходимым микросемиотическим аспектом при интерпретации художественно-правового дискурса. Для судьи Мей «шутливая болтовня, ирония» становятся защитой «в лабиринте аргументов и контраргументов»: «*In each broad and bookish room, her colleagues would lose themselves daily in their cases, their trials, in a labyrinth of detail and dissent against which only a certain style of banter and irony offered some protection. Most of the judges she knew cultivated an elaborate sense of humor...*»[15] [McEwan, p. 46–47]. Обратимся к иллюстрации иронической

[15] «В просторных солидных кабинетах ее коллеги ежедневно углублялись в дела, в лабиринты аргументов и контраргументов, и развеяться помогла только шутливая болтовня, ирония. Большинство ее знакомых судей упражнялись в изощренном юморе...» [Макьюэн, с. 61].

метафоры как приему трансфера юридического знания. В разговоре с судьей Адам выносит суждение: «*Your visit was one of the best things that ever happened... My parents' religion was a poison and* ***you were the antidote***...»[16] [McEwan, p. 163–164]. С помощью приемов антитезы и эмфазы на структурно-семантическом и синтаксическом уровнях эксплицирована идея о важности участия Фионы Мей в жизни Адама. Иронический контекст метафоры *you were the antidote*, где ключевая семантическая доминанта определяется как 'лекарство, принятое или назначенное для противодействия определенному яду'; 'что-то, что помогает преодолеть неприятную и трудную ситуацию' [ABBYY Lingvo 6], заключается в нивелировании одушевленности и сравнении судьи с «лекарством от смерти». Адам открыто вовлекает судью в свою «ироническую игру»: «*He was playing her all right, drawing her back onto other ground, to a wilder space where he could dance round her, tempt her to say something inappropriate and interesting again*»[17] [McEwan, p. 104]. Ирония в межличностном взаимодействии видится не только как неотъемлемое профессиональное качество судьи, но также становится маркером ума, живой, неформальной манеры общения: «***His manner, his humour****, had an element of the silliness that can accompany* ***high intelligence***»[18] [Ibid., p. 105].

Цель иронической метафоры в процессе трансфера юридического знания в художественный нарратив — наращение смысла, что обусловлено лингвокогнитивным потенциалом. Частным случаем обогащения смысла является интимизация межличностных отношений между коммуникантами. В индивидуальной концепции морали судьи Мей важное место занимает тема ее общения с детьми — участниками судебного процесса. Так, личное знакомство с мальчиком было собственной инициативой судьи Мей: «*Visiting the hospital was* ***a sentimental whim***»[19] [Ibid., p. 36]. По ее мнению, «благородный идеал, когда судьи на протяжении веков были опекунами детей, имел человеческую составляющую»: «*Back in the 1980s a judge could still have made the teenager a ward of court and seen him in chambers or hospital or at home. Back then,* ***a noble ideal*** *had somehow survived into the modern era, dented and rusty like a suit of armour. Judges had stood in for the monarch and had been for centuries the guardians of the nation's children. Nowadays, social workers from Cafcass did the job and reported back. The old system, slow and inefficient,* ***preserved the human touch***»[20] [Ibid., p. 35].

---

[16] «Ваш приход был одним из самых счастливых событий за все время... Религия родителей была ядом, а вы противоядием...» [Макьюэн, с. 194].

[17] «Он подначивал ее, заманивая на щекотливый разговор, на необжитую территорию, где мог плясать вокруг нее, провоцировать на какое-то неловкое, интересное высказывание» [Там же, с. 127].

[18] «В его манере, в его юморе был элемент дурашливости, которая может совмещаться с большим умом» [Там же, с. 128].

[19] «Визит в больницу — это сентиментальная прихоть» [Там же, с. 50].

[20] «В восьмидесятые годы судья мог взять несовершеннолетнего под опеку суда и посещать его в камере, дома или в больнице. Благородный идеал как-то дожил до нового времени, помятый и заржавелый, как доспехи. Судьи замещали монарха и на протяжении веков были опекунами детей. Теперь эта обязанность перешла к социальным работникам CAFCASS, которые докладывают суду. В прежней системе, неповоротливой и неэффективной, была человеческая составляющая» [Там же, с. 49]. (CAFCASS — Child and Family Court Advisory and Support Service, Служба консультации и поддержки по вопросам детского и семейного права).

Примером иронии как авторского приема трансфера юридического знания становится обращение к судье как Божеству на фоне частотности языковых единиц, отсылающих к религиозной вере (в романе выявлено 40 случаев употребления слов *God* и *godly*). Судебная тяжба — особый род прений, в которых «разворачивается сражение за местопребывание детей, дома, пенсии, заработки, наследства»: «*Otherwise, routine wrangles over residence of children, over houses, pensions, earnings, inheritance*»[21] [McEwan, p. 3]. Судья Мей верит, что «вносит разумность в безнадежные ситуации»: «*She believed that she brought reasonableness to hopeless situations*»[22] [Ibid., p. 4]. Обратимся к метафорической триаде «судья — Бог — воин» в следующем контексте: «*Parents soon learned the new vocabulary and patient procedures of the law, and were dazed to find themselves in vicious combat with the one they once loved. And waiting offstage, boys and girls first named in the court documents, troubled little Bens and Sarahs, huddling together* ***while the gods above them fought to the last****, from the Family Proceedings Court, to the High Court, to the Court of Appeal*»[23] [Ibid., p. 3]. Ироническая метафора борьбы богов до победного конца имеет не комическую, а идейно-эмоциональную оценку: верховенство власти вызывает поклонение, в первую очередь, детей. С другой стороны, тема войны, репрезентированная лексемой *fight* и словосочетанием *vicious combat*, включается в пространство художественного произведения для актуализации идеи успешного (победного), но труднодостижимого с точки зрения соответствия принципам гуманности завершения процесса «в Суде по семейным делам, в Высоком суде и, наконец, в Апелляционном».

Комический эффект в данном контексте создает адъективированное словосочетание *patient procedures of the law*, в котором иронии приписана ее основная функция — «сказать то, что является противоположным значению»: «когда говорящий говорит что-то, что кажется противоположным тому, что он имеет в виду» [Colston, Gibbs, p. 4]. Объект — *procedures of law* — с помощью приема метонимии наделен свойством субъекта действия, а именно — ‘терпимо относиться к отсрочкам, проблемам или страданиям, не раздражаясь и не беспокоясь’ [ABBYY Lingvo 6]. В данном случае прилагательное *patient* не выражает прямое значение, оно создает новые смыслы: родители-комбатанты «загружают отделение по делам семьи странными конфликтами, особыми ходатайствами, полуправдами об интимных делах, экзотическими обвинениями», которые требуют длительных разбирательств: «*The Family Division teemed with strange*

---

[21] «В остальном — обычные тяжбы о местопребывании детей, о домах, пенсиях, заработках, наследствах» [Макьюэн, с. 11].

[22] «Она верила, что вносит разумность в безнадежные ситуации» [Там же, с. 12].

[23] «Родители быстро осваиваются с новым лексиконом и формальностями законоотправления и сами изумляются, что ведут ожесточенную борьбу с тем, кого они когда-то любили. А за кулисами мальчики и девочки, которых в документах называют по именам, испуганные маленькие Бены и Сары, прижавшись друг к другу, ждут, когда боги над ними доведут сражение до победного конца — в Суде по семейным делам, в Высоком суде и, наконец, в Апелляционном» [Там же].

differences, special pleading, intimate half-truths, exotic accusation»[24] [McEwan, p. 3]. Именно поэтому частное дело «преобразуется в чудовищный канцелярский труд», когда «папки с документами привозят в суд на тележках»: «*...into box-files of legal documents so numerous and heavy they were hauled to court on trolleys...*»[25] [Ibid., p. 36]. Четкий и строгий порядок процедуры законоотправления выражен в семантике слова *procedure* — 'серия действий, выполняемых в определенном порядке' [ABBYY Lingvo 6]. Прием адъективации языкового маркера *procedure* с помощью атрибута *patient* транслирует знание о деструктивном поведении родителей как истцов и ответчиков в суде, так и в повседневной жизни, что подтверждается контекстуально словосочетанием *vicious combat*: «*Greedy husbands versus greedy wives, maneuvering like nations at the end of a war, grabbing from the ruins what spoils they could before the final withdrawal... Husbands hitting wives and children, wives lying and spiteful, one party or the other or both drunk, or drug addled, or psychotic; and children again, forced to become carers of an* ***inadequate parent***»[26] [McEwan, p. 132]. С другой стороны, атрибут *patient* репрезентирует концептуальный смысл терпеливости суда как социально-правового института и его законного представителя в лице судьи Мей.

Конструктивность процессуальных действий судьи Фионы Мей, строгий порядок их выполнения, направленные, как было отмечено ранее, на достижение авторитетности своего мнения, репрезентированы в пространстве нарратива как «серьезность физика-ядерщика»: «*...If the parents could not agree, the law, reluctantly, must take the decisions. Fiona would preside with all the* ***seriousness and obedience*** *to process* ***of a nuclear scientist***»[27] [Ibid., p. 36]. В условиях «коррупции» комбатантов опасность профессии и высокие интеллектуальные затраты требуют аккуратности и разумности предпринимаемых действий, что можно проследить в ходе анализа семантики следующих лексических единиц: *vicious* — 'жестокий, опасный' [ABBYY Lingvo 6]; 'порочный в поведении' [EPDEL, p. 714]; 'морально злой, вредный' [TCODCE, p. 991]; *serious* — 'трезвый, вдумчивый, ответственный, уравновешенный, не легкомысленный' [Ibid., p. 787]. В данном случае адъективированная конструкция *seriousness and obedience of a nuclear scientist* с точки зрения логического подхода к теории трансфера знания манифестирует умение судьи разобраться в опасных действиях комбатантов в случаях безуспешного досудебного разбирательства.

---

[24] «Отделение по делам семьи было загружено странными конфликтами, особыми ходатайствами со ссылками на новые факты, полуправдами об интимных делах, экзотическими обвинениями» [Макьюэн, с. 11].

[25] «...папки с юридическими документами, такие многочисленные и такие тяжелые, что их привозят в суд на тележках» [Там же, с. 50].

[26] «Жадные мужья против жадных жен — маневрируют как страны в конце войны, чтобы ухватить из руин побольше трофеев перед окончательным выводом войск... Мужья бьют детей и жен, жены — лживые и зловредные, супруг или оба супруга пьют или сидят на наркотиках, и дети вынуждены опекать негодных родителей» [Там же, с.159].

[27] «Если родители не могут прийти к согласию, решение вынужден принять закон. Фиона рассмотрит дело с серьезностью и скрупулезностью физика-ядерщика» [Там же, с. 50].

Целью иронической метафоры и адъективированного словосочетания как механизма трансфера юридического знания в художественный нарратив становится «высвечивание» возможных трудностей и факторов риска в профессиональной деятельности судьи, репрезентация эмоционального фона речевого взаимодействия, а также транслирование идеи о важности чувства юмора и иронии как необходимом профессиональном качестве представителя закона.

Выводы

В художественно-правовом дискурсе, представляющем собой новый гибридный формат, актуальными и продуктивными являются следующие механизмы трансфера знания: инференция, фокусирование, метафоризация и адъективация. Инференциальное знание представляет собой когнитивное пространство, базирующееся на совокупности междисциплинарных аспектов в изучении теории трансфера знания. Важными характеристиками концепции морали судьи становится любовь как основа воспитания детей, приверженность «благородному идеалу» с человеческой составляющей, обращение к иронии и самоиронии как неотъемлемому качеству личности и профессиональному умению, стратегия «дистанцирования». Механизм фокусирования лежит в основе нескольких текстовых приемов трансфера знания: прием реверсивного монтажа, прием синтаксической доминанты, прием перспективизации, прием антитезы, прием эмфазы, которые находят выражение на синтаксическом и лингвопрагматическом уровне высказывания. Основной целью механизма фокусирования является выявление профессионально значимых умений судьи Мей: правильность принятых судебных решений, умение довести дело до победного конца, строгий порядок процедуры законоотправления, сжатость и логичность речи как маркер проницательности ума. Базовыми средствами трансфера знания становятся импликации, трансформации в значениях рассматриваемых лексических единиц, профилированные семы, контекстуально стабилизированные в романе, а также этимологический компонент слова. Ключевым приемом метафоризации и адъективации значений языковых маркеров юридического дискурса в тексте является ирония. Ирония способствует обогащению художественно-правового дискурса дополнительными смыслами, импликациями и коннотациями, способствующими процессу моделирования разноаспектного образа английского судьи. Посредством интеграции двух маркированных дискурсов — эстетического и правового — создается новое концептуальное гетерогенное пространство, характеризующееся динамичностью и подвижностью, в котором судебная власть является сферой профессионализации, социализации и инкультурации личности судьи. При этом личностные качества судьи как специалиста в области судопроизводства оказывают влияние на характер исполнения служебных обязанностей и эффективность деятельности.

Заключение

Формирование гибридного художественно-правового дискурса взаимообогащает обе сферы — права и художественной литературы: с одной стороны, остросоциальные проблемы, взятые из реальной судебной практики, способствуют расширению границ художественного пространства за счет внимания к явлениям специфической, часто закрытой (судебной) сферы; с другой стороны, это позволяет рассмотреть функционирование правовой системы в таких жизненных условиях, которые максимально приближены к реальным, дает возможность подчеркнуть, что вопросы семьи и детства не могут быть решены вне личностного и человеческого контекста, в рамках сухой, казенной и обезличенной правовой системы, позволяет вскрыть особенности формирования личностно-этических установок субъектов правовой системы, в частности — судьи. В таком функционально-содержательном взаимообогащении видится сущность и предназначение гибридизации двух дискурсов.

Источники

АРРАЮС — Англо-русский и русско-английский юридический словарь / под ред. К. М. Левитана. М. : Проспект, 2014.

Макьюэн И. Закон о детях. М. : Эксмо, 2018.

ABBYY Lingvo 6 : электронный словарь. Вып. : 16.1.3.49. ООО «Аби продакшн», 2014.

AMDEL — A Modern Dictionary of the English language. London : MacMillan and Co. Limited, 1911.

BLD — Black's Law Dictionary / ed. by Bryan A. Garner. St. Paul, MN : Thomson West, 2004.

EPDEL — Etymological and Pronouncing Dictionary of the English Language / by the Rev. J. Stormonth. 6th ed., revised. Edinburgh : London : William Blackwood and sons, 1904.

KCEDEL — *Klein E.* Klein's Comprehensive Etymological Dictionary of the English language. Amsterdam : Elsevier Scientific Publishing Company, 1971.

McEwan I. The Children Act. London : Vintage Books, 2014.

TCODE — The Concise Oxford Dictionary of Current English / by H. W. Fowler and F. G. Fowler. Oxford : At the Clarendon Press, 1919.

WCDEL — Webster's Complete Dictionary of the English Language / by Ch. A. Goodrich, D. D., L. L. D. and N. Porter, D. D. London : George Bell and sons, 1886.

Исследования

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Изд. дом ЯСК, 2018.

Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 5–13.

Джаримова А. И. Судебная власть как предмет социальной философии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Краснодар, 2007.

Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Язык славянской культуры, 2014.

Ирисханова О. К., Киосе М. И. О личностном факторе трансфера знаний: феномен эпистолярного круга Виктории, леди Уэлби // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 26–38.

Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15–21.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1988. С. 173–204.

Фещенко В. В. Концептуализация в гуманитарном знании и в искусстве : маршруты трансфера // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 43–54.

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер / пер. с франц. ; под общ. ред. Е. Е. Дмитриевой ; вступ. ст. Е. Е. Дмитриевой. М. : Новое литературное обозрение, 2018.

Colston H. L., Gibbs R. W. A Brief History of Irony // Irony in Language and Thought. 2007. P. 3–21.

Langacker R. W. Cognitive grammar. A basic introduction. New York : Oxford Univ. Press, 2008.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. I : Concept Structuring System. Cambridge : MIT Press, 2001.

References

Boldyrev, N. N. (2018). *Iazyk i sistema znanii. Kognitivnaia teoriia iazyka* [Language and the System of Knowledge. Cognitive Theory of Language]. Moscow: Izdatel'skii dom IaSK.

Colston, H. L., & Gibbs, R. W. (2007). A Brief History of Irony. *Irony in Language and Thought*, 3–21.

Demjankov, V. Z. (2017). Transfer znanii i kognitivnaia manipuliatsiia [Knowledge Transfer and Cognitive Manipulation]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 4, 5–13.

Dzharimova, A. I. (2005). *Sudebnaia vlast' kak predmet sotsial'noi filosofii* [Judicial Power as a Subject of Social Philosophy] (doctoral dissertation abstract). Krasnodar.

Espagne, M. (2018). *Istoriia tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer* [History of Civilisations as a Cultural Transfer]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Feshchenko, V. V. (2016). Kontseptualizatsiia v gumanitarnom znanii i v iskusstve : marshruty transfera [Conceptualisation in the Humanities and Arts: Transfer Routes]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 1, 43–54.

Iriskhanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v iazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniia* [Games of Focus in Language. Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing]. Moscow: Iazyk slavianskoi kul'tury.

Iriskhanova, O. K., & Kiose, M. I. (2017). O lichnostnom faktore transfera znanii: fenomen epistoliarnogo kruga Viktorii, ledi Uelbi [About the Personal Factor of Knowledge Transfer: The Phenomenon of Victoria's (Lady Welby's) Epistolary Circle]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2, 26–38.

Langacker, R. W. (2008). *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. New York: Oxford University Press.

Solopova, O. A., & Naumova K. A. (2018). Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikatsii [Hybrid Discourse Formats]. *Filologicheskii klass*, 4 (54), 15–21.

Talmy, L. (2001). *Toward a Cognitive Semantics. Vol. I: Concept Structuring System*. Cambridge: MIT Press.

Telija, V. N. (1988). Metaforizatsiia i ee rol' v sozdanii iazykovoi kartiny mira [Metaphorisation and its Role in Formation of Language Picture of the World]. In B. A. Serebrennikov, E. S. Kubrykova, V. I. Postovalova et al.; B. A. Serebrennikov (Ed.), *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and Worldview] (pp. 173–204). Moscow: Nauka.

Дзюба Елена Вячеславовна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры межкультурной
коммуникации, риторики и русского языка
как иностранного
Уральский государственный
педагогический университет
620017, Екатеринбург,
пр. Космонавтов, 26, к. 285
E-mail: ev_dziuba@uspu.me

Рябова Ирина Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского, иностранных языков
и культуры речи
Уральский государственный юридический
университет
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21, к. 304
E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru

Dziuba, Elena Vyacheslavovna
Dr. Hab. (Philology), Associate Professor,
Professor of the Department of Intercultural
Communication, Rhetoric and Russian
as a Foreign Language
Ural State Pedagogical University
26, Kosmonavtov Ave., 620017 Yekaterinburg,
Russia
Email: ev_dziuba@uspu.me
https://orcid.org/0000-0002-3833-516X

Ryabova, Irina Yurievna
PhD (Philology), Associate Professor
Department of Russian, Foreign Languages
and Speech Culture
Ural State Law University
21, Komsomol'skaya Str.,
620137 Yekaterinburg, Russia
Email: i.y.ryabova_3012@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-5904-8971